

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССРГод издания 31-й
№ 136 (4102)

Четверг, 5 ноября 1959 г.

ЦЕНА: 40 КОП.

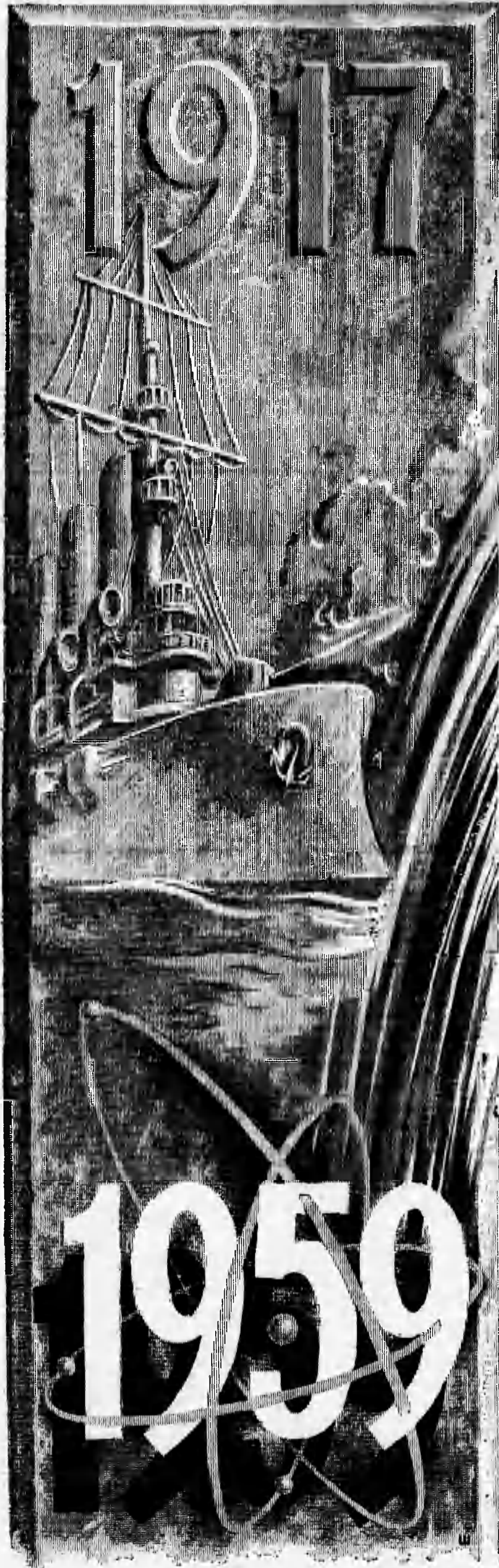

Рисунок А. Шульца

Сергей МИХАЛКОВ

ДВА ЗАЛПА

Когда б не грянул залп «Авроры», Тогда б в космическом просторе
Что возвестил советский строй, Не прогремел бы залп второй.

Владимир МАКСИМОВ

ВЕКОМ СУЖДЕНО

Крепостным илеймичная чашаном,
Знатьи четвертованная впасть.
Русь считалась краем домотканым,
Стороной сержиком завалась.

Но она — найди тому мерило —
Старый мир за шнапорт взяла.
Собственные сказки претворила
В самые реальные дела.

Гордая, она шагает в ногу
С думой дарзнованной своей.
Стороняся и дают дорогу
Все другие государства ей.

Что там государства!

Потруднее
Родной задаче решена:
Космос расступился перед нею,
Поделилась тайнами Луны.

Силы напрягая до предела,
Лет она не упускала зря.
Ей хватало для такого дела
Сорок два рабочих Октября.

Веком суждено — на зависть свету —
Родные мои, а не другим
Первым залпом — разбудить планету,
Разбудить Вселенную — вторым.

Георгий МАРКОВ

Красота человеческая

НА ДВОРЕ осень. Как говорится в народе, зима стучится у околицы. Но стоит посмотреть на веселые лица наших людей, на праздничное кипение городских улиц и площадей, стоит прислушаться к звонким голосам, что плывут над тихими селами и станицами в сумерках вечеров, и кажется, не осень, а весна у нас, на советской земле, в полном разгаре.

Что случилось? Почему это происходит? Да потому, что никогда еще не была наша жизнь такой насыщенной выдающимися событиями, такой стремительной, такой яркой, озаряющей наше будущее.

Сорок два года существует Советское государство. Почти половину этого времени мы затратили на борьбу с нашими врагами, вынужденными нас ввязаться за оружие, и на то, чтобы восстановить разрушенное войной. Фактически только немногим более двух десятилетий мы заняты мирным созидательным трудом. А сколько сделано! Сегодня человечество, изученное нашими подвигами, смотрит на нас восхищенными глазами.

Это мы — бывшая деревня, неграмотная «Россия» — первыми в мире запустили искусственные спутники Земли, это мы забросили на Луну вымпел Советского Союза, это наша ракета стала спутником Солнца, это наш первый в мире атомный корабль бороздит морские просторы, это мы запустили в небрежные космические пространства умную, хитрую машину, за сотни тысяч километров извещающую нас о тайнах других миров, это мы бросили вызов на мирное соревнование самой богатой капиталистической стране — Соединенным Штатам Америки, это мы завоевали сочувствие всего человечества своим миролюбием и гуманизмом, призвав все страны к всеобщему и полному разоружению.

Кто же эти «мы»? Мы — это трудовой народ, соль земли, производитель всех материальных и духовных сокровищ. Мы взяли свою судьбу в собственные руки и уверенно кует счастье всех людей и счастье каждого советского человека — счастье, называемое коммунизмом.

Размышляя о величайших свершениях, происходящих на нашей советской земле, я пытаюсь окинуть взором жизнь своего поколения, стараюсь охватить перемены, которые стали фактом на глазах моих сверстников. Эти перемены фантастичны.

Не первый раз в жизни приходится мне подобными газетными выступлениями откликаться на дорожные праздничные даты нашего народа. Впервые о празднике Октября я написал как селькор из глухой сибирской деревеньки в 1925 году. Я был тогда комсомольцем и полупаском. С радостью я сообщил тогда в газетной заметке об открытии у нас библиотеки и об общественном колоде, вырытом силами комсомольцев. И это были заметные события не только для нашей деревни, — о них говорили по всему округу.

Где же они, эти люди, открывавшие в те годы изыскательные и рыцарские общественные колоды? Если они не пали смертью храбрых в битвах с врагом, отстаивая завоевания революции, то все они сегодня стоят на великой трудовой вахте коммунизма.

Мысленно я вижу одних за рычагами тракторов и за штурвалами комбайнов на целинных землях Сибири и Казахстана, другие возводят железобетонные сооружения на гидроэлектростанциях Волги и Ангары, третьи скопились над замаскированными чертежами нынешних и будущих космических кораблей. Да, чудесные наши свершения, фантастичны наши машины, провозгласившие нашу Родину как страну пе-

редовой науки и техники, но прекраснее и величественнее всего советский человек, умом и руками которого созданы эти чудеса.

И вот, когда думаешь о красоте советского человека, о животворной силе его труда, одухотворенного коммунистическими идеалами, невольно задерживаешься мыслями на советской литературе, на ее месте в нашей жизни.

Задолго до нас люди знали и понимали силу художественного слова. Но значение этого слова в наших условиях возросло во сто крат. Обращенное к народу, оно должно повествовать ему современную правду о нем самом, помочь ему увидеть себя в труде и битве, в радости и горести и воодушевить его на новые подвиги во имя торжества грядущего. Вдохновляемая неслыханными, всеполюющими идеями коммунизма, литература нашего общества имеет все для того, чтобы подняться до невиданных художественных высот и обрести еще большую силу влияния на человека.

В эти праздничные дни все советские люди, на каком бы участке они ни трудились, задают себе вопрос: что они реально сделали для того, чтобы ускорить наше продвижение к коммунизму? Подводить итоги своей работы, анализировать ее результаты, заботиться о предстоящем — все это вошло в плоть и кровь советских людей, стало нашей традицией, замечательной традицией. Таким же чувством хозяйского размышления о сделанном, о предстоящем охвачены и мы — советские писатели. Наш труд, правда, не поддается измерению в центнерах и тоннах. Но неверно думать, будто он не поддается вообще никакому учету. Напротив, он немерим, но ежедневно измеряется и оценивается народом, его чуткой, строгой, справедливой душой.

Плак, что же мы сделали реально на сорок втором году революции? Я мог бы назвать десятки ярких произведений, перечислить фамилии писателей, порадовавших читателей в этом году новыми книжками, но это получилось бы громоздко и утомительно. Сошлю на свою беседу с одним критиком. Этот осведомленный в текущей литературе критик высказал такую оценку нашей писательской работы за последнее время:

— Урожайно нынче на литературном поле. Много хороших, искренних, правдивых книг появилось о нашей современности. Отрицать, что литература ближе подошла к герою нашей действительности, глубже стали ее суждения о времени, пронизанном духом исторических решений XX и XXI съездов КПСС, вернее картины нашей жизни. Конечно, вершины, которая смогла бы своим могучим сиянием потрясти сердца миллионов, не появилось, но бесспорно и то, что появление таких сияющих вершин в литературе — не простое дело...

Да, это правильно. Будем надеяться, что критики с участием прозаиков, поэтов, драматургов тщательно разберутся, что же нового о советском человеке сказала в самое последнее время наша многонациональная литература.

Торжественные дни переживаем мы. Но все-таки не будем торжественностью момента прикрывать то здоровое чувство неудовлетворенности своей работой, которое есть у нас, советских писателей. Много, необычайно много нам нужно еще сделать, чтобы правильно запечатлеть размах, простоту и величие нашей жизни. Год от года мы становимся зрее, опытнее, прибавляется у нас сил. Тем более нетерпимы примитивные, скороспелые подделки, в которых авторы, желая якобы «резать правду-матку», выпускают на свет божий жалкое, серое, серое подобие современного человека, барахтающегося в узком, убогом мире мелочных переживаний. Нечего греха таить, такие подделки еще имеют хождение.

Хочется сказать авторам подобных произведений: «Откройте глаза пошире, безбоязненно обнажите свое сердце, чтобы оно стало более чутким к дыханию нашей эпохи, взгляните в то, что происходит вокруг нас, и вы увидите, что настоящие герои в нашей жизни и кому по праву должны принадлежать страницы ваших произведений!»

На днях у меня произошел крайне поучительный разговор с двумя молодыми поэтами. Не стану называть их фамилий, дело тут не в фамилиях. В свое время эти поэты не проявили критического отношения к тем немногим произведениям, о которых у нас говорилось, как о страданиях изысканном очертании советской действительности. Под явным влиянием чуждых нам настроений молодые поэты отдали дань бездумному критиканству нашей жизни, которую они знали крайне плохо. Товарищи по работе искренне помогли им, критиковали их. Наконец, удалось уговорить поэтов поехать посмотреть страну, пообщаться со своими современниками. Они побывали на крупных предприятиях, на стройках, в колхозах. Затратили они на поездку едва ли больше двух месяцев, но вернулись совершенно обновленными, переполненными впечатлениями, рвущимися к образному осмыслению этих впечатлений. Соприкосновение с горючей действительностью, с разнообразным и богатым миром советского человека быстро выветрило их былые умозаключения и помогло им выбрать направление и материал для работы.

Велико и неотразимо воздействие жизни на каждого писателя, на всю литературу в целом. Коммунизм, его живая повседневная практика щедро оплодотворяют писательский труд. Коммунизм открывает перед писателем такие горизонты художественного видения, каких не было у писателей ни в какие другие эпохи. И это огромное наше счастье, которому позавидовали бы самые крупные художники слова всех времен.

Михаил СВЕТЛОВ

ОКТАБРЬ

Мы трудимся — мечты солдаты,
Проводим жизнь свою не зря.
Мы на пороге новых дат
Развернутого Октября.

Мы шли, в историю впервые,
К событиям не на поклон.
Октябрь не только всю Россию, —
Полмира обнимает он.

Уча любить и ненавидеть,
Пройдя сквозь ужасы войны,
Октябрь помог Луну увидеть
С другой, обратной стороны.

И нас встречает добрым словом
На всех путях СССР.
И мальчик в галстук багровый,
И больничный-пенсовер.

(Омичанье на 3-й стр.)

Илья ЭРЕНБУРГ

В ПРЕДВИДИЕНИИ ВЕСНЫ

ОДИН французский скептик недавно полчасика доказывал по радио, что ничего на свете не изменилось, нужно не разоружение, а сверхоружение. Упомянув микродом о некоторых событиях последнего времени, скептик привел логичную, существующую не только во Франции: «Одна ласточка еще не делает весны». Вряд ли эта поговорка логична: ласточки не дуры и зимой в холодные края не прилетают. Разумеется, и ласточки бывают разные — скажем, прибегая к любимому газетам словарию, есть ласточки-прогрессисты и ласточки консервативного толка; первой вылетает на север самая смелая, за нею следуют остальные. Может быть, первой ласточке и бывает трудно — заморозки, мало корма, но, видя ее, мы знаем: приходит весна. А в общем не ласточки делают весну, весна делает ласточек. Если различные государственные люди начинают предсказывать переговоры, угрозы и мирное сотрудничество — «холодной войны», то это продиктовано волей сотен миллионов людей, победой идей мира, началом весны.

Мы давно отставившем всеобщее разоружение; теперь за разоружение начинают высказываться многие государственные деятели Запада. Ясно, что, разоружившись, английские консерваторы отнюдь не откажутся от своей идеологии, как не откажутся от социализма социалистические страны: идея — это то оружие, от которого ни один мыслящий человек не вправе отступиться, и борьба идей будет продолжаться. Она не помещает ни мирному сосуществованию, ни международной торговле, ни развитию научного и технического сотрудничества. Но естественно встает вопрос: мыслимо ли мирное сотрудничество в других отраслях культуры — в литературе, в искусстве?

Казалось бы, писателям легче найти между собой общий язык, чем дипломатам, но это не так: есть среди литераторов люди, которые настолько вжились в трескущие морозы «холодной войны», что при виде первой ласточки они склонны объявить воздушную тревогу. И только что прочитал о романе одного английского поэта и о статье одного итальянского прозаика, которые ставят под сомнение возможность, да и желательность диалога между писателями Запада и советскими писателями.

Как бы ни был полезен личный контакт между писателями, художниками, композиторами, но он определяет культурное сотрудничество, а взаимное знакомство с романами, полотнами, симфониями. Одно дело — дипломатия, другое — литература. Личный контакт, переговоры, возникающие при разговорах, куда скорее могут привести к соглашению, нежели самые красноречивые ноты; но как ни приятно беседовать с Хемингуэем

(я его знаю и люблю), существенное ознакомиться с диалогом его героев. Впрочем, сторонники «холодной войны» в культуре возражают не только против личных встреч, но и против расширения обмена книгами. По их словам, советская литература — это «пропаганда», а поскольку они сами занимаются предвещением антисоветской пропаганды, то им куда выгоднее знакомить своих читателей с пересказом плохого советского романа, чем с текстом хорошего.

К счастью, наиболее крупные писатели Запада думают иначе. Мы с удовольствием прочитали письмо Хемингуэя в «Литературную газету». Весной этого года большие французские писатели Франсуа Мориак и Жан-Поль Сартр обратились к конгрессу общества «Франция-СССР» с прекрасными посланиями, в которых говорили о необходимости сотрудничества с Советским Союзом. В Италии и в Японии, в Индии и в Швеции мне говорили о том же видные писатели различных политических толков.

Я знаю, что перейти от огуленного отчаяния, от «железного занавеса», от навязанного заранее перекрестия в хлопнуть погромче дверью к эпохе мирного сосуществования будет нелегко. Каждый понимает, что куда проще налажить сотрудничество в области точных наук, нежели в искусстве или в литературе: очевиднее взаимная польза, да и меньше препятствий, вытекающих из различия идеологий. В годы «холодной войны» Жюлио-Кюри говорил, что разобщенность ученых, попытки засекретить научные достижения неизбежно приведут к культурному застою. Многие с тех пор измучились. Ученые как бы опередили события: задолго до осени 1959 года на ряде научных конгрессов царил новый дух. Теперь астрономы всего мира с полным волеизъявлением изучают данные о неизвестных районах Луны, которые им предоставили советские ученые. Никто на Западе больше не отрицает, что во многих областях физики, астрономии, математики, химии сотрудничество с советскими учеными стало насущной необходимостью. С другой стороны, имеется немало отраслей различных наук, в которых для советских ученых существенно поддерживать тесную связь с учеными западных стран.

В высоком обмене научными открытиями есть нечто общее с весьма прозрачным делом — с международной торговлей. Ясно, что на советское Министерство внешней торговли, на западные импортеры не станут покупать плохой товар. В точных науках можно с точностью сказать, что хорошо и что плохо, — на то они «точные»; здесь нет простора ни шарлатанам, ни рутинерам.

Нет здесь также идеологических отводов: можно сказать, что советские спутники Земли с большей точностью выйдут на орбиту, чем американские, можно сравнивать научные аппараты того или иного спутника, но даже самый страстный приверженец «холодной войны» не станет утверждать, что советские спутники способны отравить стратосферу марсиетскими идеями.

Нет аппаратуры, определяющей размеры художественного таланта или гения. Чехов говорил, что он не сможет доказать, почему Шекспир лучше Златовратского. Оценка художественных произведений неизменно субъективна, расхожее часто даже люди, связанные общим мировоззрением. Вполне понятно, что отбор талантов: можно и ошибиться, и перевернуть, выдать брак за шедевр, моду — за стиль эпохи. В горячке «холодной войны» мы видели не раз попытки произвольно опереться на то или иное художественное произведение. Если говорить о литературе, то советская литература в ряду западных стран почти неизвестна. Если во Франции, в Японии, в Италии вышло немало переводов самых различных советских авторов, то в Соединенных Штатах, в Англии, в Скандинавских странах с советской литературой знакомы скорее по литературе о литературе, нежели по самим произведениям.

Советские издательства были разумеется американскими, у нас выходили переводы Хемингуэя, Стейнбека, Колдуэлла, Фолкнера, Сараяна; если взять только несколько последних лет, то мы видим, каким успехом пользуются у советского читателя произведения Хемингуэя, Ремарка, Грина, Моравии, других западных писателей. Но незачем умалчивать о недостатках и наших издательствах: отбор французских, скандинавских или японских авторов часто случаен; немало пробелов нам нужно поправить.

В течение сорока двух лет наши недоброжелатели старались погасить интерес к нашей литературе, к нашему искусству: «Все это пропаганда красных и только». Однако, хотя Чехов не мог по-научному доказать превосходство Шекспира над Златовратским, и в искусстве случайное быстро забывается, а подлинное преодолевает все преграды, доходит до сердец, остается. Можно взять любую историю кино — американскую, английскую, французскую, — в ней обязательно будет глава, посвященная Эйзенштейну, Довженко, Пудовкину. Многие итальянские кинорежиссеры говорили мне (а в последние годы итальянская кинематография была самой значительной), что им помогло найти свой путь фильмами названных мною советских художников. Никому на Западе не придет в голову отрицать значение

УДИВИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

ЧТОБЫ писать стихи, надо обладать способностью удивляться. А между тем наш психологический аппарат устроен так, что через день мы уже забываем.

— Слышали? Еще одна ракета на Луну.

— Да, знаете, это удивительно.

И тут же переходим к делам бытовым, к делам повседневным.

Непосредственность восприятия утрачена, а, попросту говоря, человека середины двадцатого столетия ничем не удивишь.

Значит, чтобы вернуть себе зияющую, поистине удивительную способность и возможность удивляться, надо почаще вспоминать.

Можно сказать, что за 42 года советский народ прошел путь от самодержавия до периода развернутого строительства коммунизма. Это бегство, но можно сказать еще — путь без преувеличения, — что пройден путь от тупицы до ракеты, заброшенной на Луну.

Космическая ракета — итог такого комплекса всевозможных умений, что надо сказать прямо: если страна сумела забросить ракету на Луну, значит страна умеет все. Если страна оказалась передовой в области космического ракетостроения, значит, она действительно самая передовая во всех отношениях страна.

Нельзя уметь создавать космические корабли и не уметь варить сталь, не уметь строить счетно-аналитические машины. А топливо? А механизмы, действующие на борту ракеты, а радиотехника, а все эта техника фотографирования Луны и передачи изображений на Землю? Пожалуй, трудно найти область народного хозяйства, которая так или иначе не имела бы — пусть иногда косвенно — отношения к триумфальным полетам наших ракет.

Кроме того, нужны деньги.

Может быть, на последние слепком поднапустилась бедная страна? По полочкам пометела, по сусекам поскребла и кой-как наскребла на колобок? Что толку, что вышел от туманной да поджаристой: сусеки-то ведь уж подметены и подскреблены?

Но не найтется человека, который не согласился бы с тем, что именно за последние пять лет благосостояние всего народа выросло в такой степени и достигло такого уровня, какого не было за всю историю Советской власти. Никогда не строилось столько жилых домов, никогда не производилось столько хлеба, мяса и молока. Никогда налоги, взимаемые государством, например, с крестьян, не были столь низкими. Я бы сказал даже, что налоги эти имеют теперь символический характер.

Вместо налогов с садовых деревьев, с коровы, с овцы, с пчел, с кур и т. д. и т. п. в деревне введен единый сельскохозяйственный налог с каждой сотки земли приусадебного участка. А в ближайшее время правительство нашего государства намерено полностью ликвидировать налог с населения.

Ясно, что при пустых сусеках на такие меры пойти было бы нельзя.

Итак, космическая ракета — итог не только высокого развития всех областей науки и всех областей техники, результат не только общего культурного уровня народа, но и материального благополучия страны.

Не надо забывать и о грандиозном семейном плане, который составлен с учетом самых реальных возможностей. Но я говорю о способности удивляться и о том, что для этого нужно вспоминать.

Наше поколение, зачитываясь в детстве романами Жюль Верна, Уэллса и Беляева, как и всякое другое поколение, знало, что когда-нибудь все описанное в книгах начнет совершаться. Но кто из нас не вспоминал при этом выученных за школьной партой строк поэта: «Жаль только — жить в эту пору прекрасную уже не придется — ни мне, ни тебе».

И тому же началась война.

Вот и настало время вспоминать.

Итак, значит, все в этом стихотворении о жертвенности поколения было правдой?

Не надо и нельзя упрекать поэта Евгения Травина за то, что, сражаясь на фронте, между двумя боями, он увидел лишь половину, или три четверти, или семь восьмых правды.

Не в том дело, что в стихотворении не хватало правды искусства, а в том, что правда жизни оказалась выше и сильнее.

Открыватель Луны встает на колени перед памятью наших, но все дело в том, что он, открыватель Луны, сверстник и товарищ поэта, что он принадлежал к той же когорте, что и поэт.

Значит, при всей талантливости и силе воздействия в стихотворении не хватало какой-то

Владимир СОЛОНУХИН

Из времен войны и вспоминаю стихотворение, услышанное мною в каком-то литературном кружке и сейчас схваченное памятью. Немного небрежное по форме, в манере литературного лиризма самой предвоенной поры, оно не могло не запомниться, как всякое сильное, талантливое стихотворение. От лица сверстников, воюющих на фронте, от лица поколения, охваченного огнем войны, автор говорит:

К неостроумному Полусу мы не проточим туннелей по океанскому дну,

Не подарим потомкам Шекспира, Розана и Глинки,

Не залечим проказы, не вылетим на Луну.

Мы готовились к этому, шли в настоящие люди,

Мы учились упорно, в ночи не смыкая глаз,

Мы мечтали об этом, но знали прекрасно — не будет,

Не такую работу век приготовил для нас...

Работа по уничтожению фашизма на земном шаре, доставшаяся на долю поколения, от лица которых написаны стихи, — тяжелая, черная работа. Кроме того, вот что с ней связано:

Может, был наш Ньютон всех физиков мира зубастей,

Да над ним ведь не яблоня — врагья минья ябля,

Может быть, наш Рембрандт лежал на доске в медамбате,

Ампутацию правой без стопа переносил.

Может, Костя Ракин из всех симфонистов планеты

Был бы самым могучим — осколок его не тронь,

А Майоров и Коган — ведь были же такие поэты,

Одиссею бы создали, если б не беглый огонь,

Нас война от всего отделила горящим залесом,

И в огне этих лет какая горит молодежь! Но не думай, мой сверстник, что так уж не повезло нам,

В эти черные рамки не втиснешь нас и не запрешь.

Человечество будет гордиться моим поколением,

Потому что мы сделали все, что мы были должны,

Перед памятью нашей будут вставать на колени Исцелитель проказы и открыватель Луны.

Да, все так, все горькая правда. Тысячи и тысячи талантливых поэтов, скульпторов, живописцев, физиков, математиков не с пером, а кистью, резцом или логарифмической линейкой в руках, а с грубым железным автоматом лагерьной собор будущей, в котором спокойно могли бы трудиться открыватели Луны. Никто не знает, какие полотна, поэмы и научные открытия расстреляны фашистскими пулями на полях войны.

Итак, значит, все в этом стихотворении о жертвенности поколения было правдой?

Не надо и нельзя упрекать поэта Евгения Травина за то, что, сражаясь на фронте, между двумя боями, он увидел лишь половину, или три четверти, или семь восьмых правды.

Не в том дело, что в стихотворении не хватало правды искусства, а в том, что правда жизни оказалась выше и сильнее.

Открыватель Луны встает на колени перед памятью наших, но все дело в том, что он, открыватель Луны, сверстник и товарищ поэта, что он принадлежал к той же когорте, что и поэт.

Значит, при всей талантливости и силе воздействия в стихотворении не хватало какой-то

Владимир СОЛОНУХИН

Из времен войны и вспоминаю стихотворение, услышанное мною в каком-то литературном кружке и сейчас схваченное памятью. Немного небрежное по форме, в манере литературного лиризма самой предвоенной поры, оно не могло не запомниться, как всякое сильное, талантливое стихотворение. От лица сверстников, воюющих на фронте, от лица поколения, охваченного огнем войны, автор говорит:

К неостроумному Полусу мы не проточим туннелей по океанскому дну,

Не подарим потомкам Шекспира, Розана и Глинки,

Не залечим проказы, не вылетим на Луну.

Мы готовились к этому, шли в настоящие люди,

Мы учились упорно, в ночи не смыкая глаз,

Мы мечтали об этом, но знали прекрасно — не будет,

Не такую работу век приготовил для нас...

Работа по уничтожению фашизма на земном шаре, доставшаяся на долю поколения, от лица которых написаны стихи, — тяжелая, черная работа. Кроме того, вот что с ней связано:

Может, был наш Ньютон всех физиков мира зубастей,

Да над ним ведь не яблоня — врагья минья ябля,

Может быть, наш Рембрандт лежал на доске в медамбате,

Ампутацию правой без стопа переносил.

Может, Костя Ракин из всех симфонистов планеты

Был бы самым могучим — осколок его не тронь,

А Майоров и Коган — ведь были же такие поэты,

Одиссею бы создали, если б не беглый огонь,

Нас война от всего отделила горящим залесом,

И в огне этих лет какая горит молодежь! Но не думай, мой сверстник, что так уж не повезло нам,

В эти черные рамки не втиснешь нас и не запрешь.

Человечество будет гордиться моим поколением,

Потому что мы сделали все, что мы были должны,

Перед памятью нашей будут вставать на колени Исцелитель проказы и открыватель Луны.

Да, все так, все горькая правда. Тысячи и тысячи талантливых поэтов, скульпторов, живописцев, физиков, математиков не с пером, а кистью, резцом или логарифмической линейкой в руках, а с грубым железным автоматом лагерьной собор будущей, в котором спокойно могли бы трудиться открыватели Луны. Никто не знает, какие полотна, поэмы и научные открытия расстреляны фашистскими пулями на полях войны.

Итак, значит, все в этом стихотворении о жертвенности поколения было правдой?

Не надо и нельзя упрекать поэта Евгения Травина за то, что, сражаясь на фронте, между двумя боями, он увидел лишь половину, или три четверти, или семь восьмых правды.

Не в том дело, что в стихотворении не хватало правды искусства, а в том, что правда жизни оказалась выше и сильнее.

Открыватель Луны встает на колени перед памятью наших, но все дело в том, что он, открыватель Луны, сверстник и товарищ поэта, что он принадлежал к той же когорте, что и поэт.

Значит, при всей талантливости и силе воздействия в стихотворении не хватало какой-то

Владимир СОЛОНУХИН

Из времен войны и вспоминаю стихотворение, услышанное мною в каком-то литературном кружке и сейчас схваченное памятью. Немного небрежное по форме, в манере литературного лиризма самой предвоенной поры, оно не могло не запомниться, как всякое сильное, талантливое стихотворение. От лица сверстников, воюющих на фронте, от лица поколения, охваченного огнем войны, автор говорит:

К неостроумному Полусу мы не проточим туннелей по океанскому дну,

Не подарим потомкам Шекспира, Розана и Глинки,

Не залечим проказы, не вылетим на Луну.

Мы готовились к этому, шли в настоящие люди,

Мы учились упорно, в ночи не смыкая глаз,

Мы мечтали об этом, но знали прекрасно — не будет,

Не такую работу век приготовил для нас...

Работа по уничтожению фашизма на земном шаре, доставшаяся на долю поколения, от лица которых написаны стихи, — тяжелая, черная работа. Кроме того, вот что с ней связано:

Может, был наш Ньютон всех физиков мира зубастей,

Да над ним ведь не яблоня — врагья минья ябля,

Может быть, наш Рембрандт лежал на доске в медамбате,

Ампутацию правой без стопа переносил.

Может, Костя Ракин из всех симфонистов планеты

Был бы самым могучим — осколок его не тронь,

А Майоров и Коган — ведь были же такие поэты,

Одиссею бы создали, если б не беглый огонь,

Нас война от всего отделила горящим залесом,

И в огне этих лет какая горит молодежь! Но не думай, мой сверстник, что так уж не повезло нам,

В эти черные рамки не втиснешь нас и не запрешь.

Человечество будет гордиться моим поколением,

Потому что мы сделали все, что мы были должны,

Перед памятью нашей будут вставать на колени Исцелитель проказы и открыватель Луны.

Да, все так, все горькая правда. Тысячи и тысячи талантливых поэтов, скульпторов, живописцев, физиков, математиков не с пером, а кистью, резцом или логарифмической линейкой в руках, а с грубым железным автоматом лагерьной собор будущей, в котором спокойно могли бы трудиться открыватели Луны. Никто не знает, какие полотна, поэмы и научные открытия расстреляны фашистскими пулями на полях войны.

Итак, значит, все в этом стихотворении о жертвенности поколения было правдой?

Не надо и нельзя упрекать поэта Евгения Травина за то, что, сражаясь на фронте, между двумя боями, он увидел лишь половину, или три четверти, или семь восьмых правды.

Не в том дело, что в стихотворении не хватало правды искусства, а в том, что правда жизни оказалась выше и сильнее.

Открыватель Луны встает на колени перед памятью наших, но все дело в том, что он, открыватель Луны, сверстник и товарищ поэта, что он принадлежал к той же когорте, что и поэт.

Значит, при всей талантливости и силе воздействия в стихотворении не хватало какой-то

Владимир СОЛОНУХИН

Из времен войны и вспоминаю стихотворение, услышанное мною в каком-то литературном кружке и сейчас схваченное памятью. Немного небрежное по форме, в манере литературного лиризма самой предвоенной поры, оно не могло не запомниться, как всякое сильное, талантливое стихотворение. От лица сверстников, воюющих на фронте, от лица поколения, охваченного огнем войны, автор говорит:

К неостроумному Полусу мы не проточим туннелей по океанскому дну,

Не подарим потомкам Шекспира, Розана и Глинки,

Не залечим проказы, не вылетим на Луну.

Мы готовились к этому, шли в настоящие люди,

Мы учились упорно, в ночи не смыкая глаз,

Мы мечтали об этом, но знали прекрасно — не будет,

Не такую работу век приготовил для нас...

Работа по уничтожению фашизма на земном шаре, доставшаяся на долю поколения, от лица которых написаны стихи, — тяжелая, черная работа. Кроме того, вот что с ней связано:

Может, был наш Ньютон всех физиков мира зубастей,

Да над ним ведь не яблоня — врагья минья ябля,

Может быть, наш Рембрандт лежал на доске в медамбате,

Ампутацию правой без стопа переносил.

Может, Костя Ракин из всех симфонистов планеты

Был бы самым могучим — осколок его не тронь,

А Майоров и Коган — ведь были же такие поэты,

Одиссею бы создали, если б не беглый огонь,

Нас война от всего отделила горящим залесом,

И в огне этих лет какая горит молодежь! Но не думай, мой сверстник, что так уж не повезло нам,

В эти черные рамки не втиснешь нас и не запрешь.

Человечество будет гордиться моим поколением,

Потому что мы сделали все, что мы были должны,

Перед памятью нашей будут вставать на колени Исцелитель проказы и открыватель Луны.

Да, все так, все горькая правда. Тысячи и тысячи талантливых поэтов, скульпторов, живописцев, физиков, математиков не с пером, а кистью, резцом или логарифмической линейкой в руках, а с грубым железным автоматом лагерьной собор будущей, в котором спокойно могли бы трудиться открыватели Луны. Никто не знает, какие полотна, поэмы и научные открытия расстреляны фашистскими пулями на полях войны.

Итак, значит, все в этом стихотворении о жертвенности поколения было правдой?

Не надо и нельзя упрекать поэта Евгения Травина за то, что, сражаясь на фронте, между двумя боями, он увидел лишь половину, или три четверти, или семь восьмых правды.

Не в том дело, что в стихотворении не хватало правды искусства, а в том, что правда жизни оказалась выше и сильнее.

Открыватель Луны встает на колени перед памятью наших, но все дело в том, что он, открыватель Луны, сверстник и товарищ поэта, что он принадлежал к той же когорте, что и поэт.

Значит, при всей талантливости и силе воздействия в стихотворении не хватало какой-то

Владимир СОЛОНУХИН

Из времен войны и вспоминаю стихотворение, услышанное мною в каком-то литературном кружке и сейчас схваченное памятью. Немного небрежное по форме, в манере литературного лиризма самой предвоенной поры, оно не могло не запомниться, как всякое сильное, талантливое стихотворение. От лица сверстников, воюющих на фронте, от лица поколения, охваченного огнем войны, автор говорит:

К неостроумному Полусу мы не проточим туннелей по океанскому дну,

Не подарим потомкам Шекспира, Розана и Глинки,

Не залечим проказы, не вылетим на Луну.

Мы готовились к этому, шли в настоящие люди,

Мы учились упорно, в ночи не смыкая глаз,

Мы мечтали об этом, но знали прекрасно — не будет,

Не такую работу век приготовил для нас...

Работа по уничтожению фашизма на земном шаре, доставшаяся на долю поколения, от лица которых написаны стихи, — тяжелая, черная работа. Кроме того, вот что с ней связано:

Может, был наш Ньютон всех физиков мира зубастей,

Да над ним ведь не яблоня — врагья минья ябля,

Может быть, наш Рембрандт лежал на доске в медамбате,

Ампутацию правой без стопа переносил.

Может, Костя Ракин из всех симфонистов планеты

Был бы самым могучим — осколок его не тронь,

А Майоров и Коган — ведь были же такие поэты,

Одиссею бы создали, если б не беглый огонь,

Нас война от всего отделила горящим залесом,

И в огне этих лет какая горит молодежь! Но не думай, мой сверстник, что так уж не повезло нам,

В эти черные рамки не втиснешь нас и не запрешь.

Человечество будет гордиться моим поколением,

Потому что мы сделали все, что мы были должны,

Перед памятью нашей будут вставать на колени Исцелитель проказы и открыватель Луны.

Да, все так, все горькая правда. Тысячи и тысячи талантливых поэтов, скульпторов, живописцев, физиков, математиков не с пером, а кистью, резцом или логарифмической линейкой в руках, а с грубым железным автоматом лагерьной собор будущей, в котором спокойно могли бы трудиться открыватели Луны. Никто не знает, какие полотна, поэмы и научные открытия расстреляны фашистскими пулями на полях войны.

Итак, значит, все в этом стихотворении о жертвенности поколения было правдой?

Не надо и нельзя упрекать поэта Евгения Травина за то, что, сражаясь на фронте, между двумя боями, он увидел лишь половину, или три четверти, или семь восьмых правды.

Не в том дело, что в стихотворении не хватало правды искусства, а в том, что правда жизни оказалась выше и сильнее.

Открыватель Луны встает на колени перед памятью наших, но все дело в том, что он, открыватель Луны, сверстник и товарищ поэта, что он принадлежал к той же когорте, что и поэт.

Значит, при всей талантливости и силе воздействия в стихотворении не хватало какой-то

Владимир СОЛОНУХИН

Из времен войны и вспоминаю стихотворение, услышанное мною в каком-то литературном кружке и сейчас схваченное памятью. Немного небрежное по форме, в манере литературного лиризма самой предвоенной поры, оно не могло не запомниться, как всякое сильное, талантливое стихотворение. От лица сверстников, воюющих на фронте, от лица поколения, охваченного огнем войны, автор говорит:

К неостроумному Полусу мы не проточим туннелей по океанскому дну,

Не подарим потомкам Шекспира, Розана и Глинки,

Не залечим проказы, не вылетим на Луну.

Мы готовились к этому, шли в настоящие люди,

Мы учились упорно, в ночи не смыкая глаз,

Мы мечтали об этом, но знали прекрасно — не будет,

Не такую работу век приготовил для нас...

Работа по уничтожению фашизма на земном шаре, доставшаяся на долю поколения, от лица которых написаны стихи, — тяжелая, черная работа. Кроме того, вот что с ней связано:

Может, был наш Ньютон всех физиков мира зубастей,

Да над ним ведь не яблоня — врагья минья ябля,

Может быть, наш Рембрандт лежал на доске в медамбате,

Ампутацию правой без стопа переносил.

Может, Костя Ракин из всех симфонистов планеты

Был бы самым могучим — осколок его не тронь,

А Майоров и Коган — ведь были же такие поэты,

Одиссею бы создали, если б не беглый огонь,

Нас война от всего отделила горящим залесом,

И в огне этих лет какая горит молодежь! Но не думай, мой сверстник, что так уж не повезло нам,

В эти черные рамки не втиснешь нас и не запрешь.

Человечество будет гордиться моим поколением,

Потому что мы сделали все, что мы были должны,

Перед памятью нашей будут вставать на колени Исцелитель проказы и открыватель Луны.

Да, все так, все горькая правда. Тысячи и тысячи талантливых поэтов, скульпторов, живописцев, физиков, математиков не с пером, а кистью, резцом или логарифмической линейкой в руках, а с грубым железным автоматом лагерьной собор будущей, в котором спокойно могли бы трудиться открыватели Луны. Никто не знает, какие полотна, поэмы и научные открытия расстреляны фашистскими пулями на полях войны.

Итак, значит, все в этом стихотворении о жертвенности поколения было правдой?

Не надо и нельзя упрекать поэта Евгения Травина за то, что, сражаясь на фронте, между двумя боями, он увидел лишь половину, или три четверти, или семь восьмых правды.

Не в том дело, что в стихотворении не хватало правды искусства, а в том, что правда жизни оказалась выше и сильнее.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛUNA ГАЗЕТА

О ЗАПУСКЕ КОСМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ БРИГАДЫ

На днях на Луну отправилась выездная бригада «Литературной газеты» — большая группа писателей и поэтов. При помощи новейших фотоаппаратов и средств художественной техники И. Игнину и И. Семенову удалось получить изображения членов бригады в процессе освоения Луны. В первом ряду (слева направо) — С. Михалков, А. Твардовский, В. Задарченко, М. Турсун-заде, С. Липкин, А. Алигер; во втором ряду —

Р. Гамзатов, Е. Долматовский; в третьем ряду — Г. Николаев, С. Щипачев, В. Солоухин, А. Прокофьев, К. Чуковский; в четвертом ряду — А. Казанцев, С. Смирнов, И. Эренбург, Е. Евтушенко.

Ничего не печатаем первые лунограммы, полученные от членов бригады «Литературной газеты» на Луне.

Наш взлет все выше, шаг все шире!
Дела великие творя,
Борьбой за мир в подлунном мире
Встречаем праздник Октября.
Наш мирный праздник дважды ярок:
В его торжественный канун
Мы получили, как подарок,
Приrost в семье советских «лун»!
Легко порвал земные путы,
Наш новый «лунник» в полноте
(А может, в сотню одну,
Я на досуге подсчитаю),
Сказав: «Спокойно! Я снимаю»,
Сфотографировал Луну.

Пусть говорят, что мы — о, враки
Иных из западных газет!
Хотим присвоить лунный свет,
Так полагаются собаки
Луну облаивать должны...
Мне жаль облачной Луны,
Но тех нельзя переименовать,
Кто все облаивать готов,
Ну, что ж, к созвездью Гонимых Псов
Таких придется «присобачить»,
...Вступил на лунные пути,
Мы тоже решили в фонд науки
Свой вклад писательский внести.
Итак, газета наша рада

(Бровей скептически не хмурь)
Всем сообщать, что лунбригада
Уж прилетела в Море Бурь.
Уж там участники бригады
Впервые сделали доклады.
Уж в лунных овальцах
Все обитатели Луны,
Кипит, по данным литотчета,
Литературная работа.
Но... новых книг покуда нет:
Еще не вышли в лунный свет!
Итак, читатели, шли советы:
«Лунна. Бригада Литгазеты».

Эмиль КРОТКИЙ

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Илья ЭРЕНБУРГ

ХОЧЕТСЯ ПЛАКАТЬ...

(Радиорепортаж)

Когда по-писательски взволнованной ногой я ступил на поверхность Луны, — я по-хорошему содрогнулся. Мне хочется плакать... Впрочем, нет, плакать я буду несколько ниже. Мучительно хочется мыслить образами. Хотя бы несколькими. Пусть даже одним. Я так душевно растерялся, что буду говорить мазками, не связывая их друг с другом. Вы сделаете это сами в свободное время. И если получится не то, — значит, неправильно сложили. Итак, мазок первый. Впрочем, я так тороплюсь, что начну с мазка четвертого.

Брюссель. Всемирная выставка. Я. Мимо меня проходит пожилая дама. Она что-то говорит своему спутнику на чистейшем бельгийском языке, указывая на меня. Я не понял — очевидно, какая-нибудь непередаваемая игра слов. Оказалось, они приняли меня за экспонат. Мы разговорились. Собственно, говорит я. На прощание она сказала мне на чистейшем бельгийском:

— Вася, то есть Базиль, мы торопимся, до свидания.

И я, непринужденно улыбаясь, нахотично ответил:

— Пока.

На чем я остановился? Ах, да, на Луне. Я буду говорить о ней уже не как писатель, инженер человеческих душ, но просто как инженер — как редактор журнала «Техника, молодежь и я», говорить не мазками, но пронзительно точными цифрами и нестерпимо научными фактами. Вам будет интересно узнать, что Луна — круглая. Да, да, не спорьте, это так, это поразительно, это умопомрачительно и — я не боюсь этого слова! — это лунотамительно. Мне хочется плакать... Впрочем, нет, кажется, я уже плакал несколько выше.

Сергей МИХАЛКОВ

ДЯДЯ СТЕПА — АСТРОНОМ

Головою дядя Степа
Задевает облака.
Он стоит у телескопа
И выискивает слезы.
Улетел и был таков
Степан автор Михалков.

«Что он пишет на Луне?
Может, снова обо мне?
Васня? Песня? Содоклады?
Сто статей или сто речей?
Может, пишет клоунады
Он для лунных циркачей?»
(Цирки, как давно известно,
Там открыты повсеместно).
— Все на свете, кроме пьес,
На Луне теряет вес.
Я пишу, конечно, пьесы! —
Услышал Степан с небес.

Александр ТВАРДОВСКИЙ

НОВЫЕ МИРЫ

Сосед мой закурить собрался,
Дымок свивается в спираль,
Еще такая даль до Марса,
А там еще другая даль.

А там еще, коль хватит прыти,
Коль должный наберем разгон,
Пойдут Венера и Юпитер,
Сатурн и, так сказать, Плутон.

Гляжу в окно. Морозно, мгlisto,
Скользнул улейкой метеор,
Со мной заводят два радиста
Литературный разговор.

Шумят: — Давайте прозу шире!
А я: — Терпите до поры,
Оставим речь о «Новом мире»,
Летя на новые миры.

Галина НИКОЛАЕВА

ЖАТВА В ПУТИ

(Отрывок из романа)

В сокровенной глубине карбюратора
глухо клокотал бензин. В кожухе трактора
звоняла дыра. Зарожденный в порочном
чреве чуткозастойного цеха,
противовес, сорвав крепежные болты,
преодолея земное притяжение и улетел
в космос.

— Милый... Мы найдем его, — тихо,
почти молча, сказала Тина.
— Тина, рыбка моя! — твердо ответил
Бахир.

...Прижавшись друг к другу, они лезли
на межпланетном корабле. На коврах,
затянувших стены кабины, толстым
слоем лежала космическая пыль.

Он пожал ее пальцы.
— Пальцы... — задумчиво сказала она.
— Поршневые пальцы... Они мелкозернисты
и малознакоустойчивы. Отсюда
пульсирующая нагрузка создает усилие
на разрыв...

Она прижалась щекой к его коленям.
— Колесчатый вал, — возразила она.
— Это важнее. Надо вводить колесный
и пескоструйную машину на литье,
милый!

— Формовочная земля решает, — горячо
сказал он. — Нужен строгий
тепловой режим в опоках. Главное —
формы.

Он мельком, по-мужски, взглянул на ее
стройные формы и сжал ее в объятиях.
— ЧЛЦ, — прошептала она, прижимаясь
к нему.

— ОТК, — нежно ответил он.
Кабину плавно качнуло на космическом
уходе. Он плотнее прижал ее и стал
развивать свой план поточно-массового
производства.

«Литературная газета» выходит три раза
в неделю: во вторник, четверг и субботу.

ЧАСЫ ПИРАМИДЫ ХЕОПСА

Когда Сомерсет Моэм писал «Луна и грош», я был у него в гостях. Мы пили
чай и говорили о поэзии. «Хау ду ю ду», — тихо произнес писатель.
Я понял, что он хотел этим сказать.

И еще одна встреча. Это было в
Марселе, тридцать лет тому назад. В
глухую полночь я увидел на мосту бед-
но одетую девушку. Прищурясь, она
напряженно вглядывалась в лилые обла-
но небо. Для нее, скромной мидинетки, лу-
на была недоступна. Я отдал девушке
свой бинокль. Она сказала «мерси»
«спасибо»). У нее была чистая душа и
глаза доверчивые, как фиалки. Говорят,
что Флоренс не выносила запаха фиалок.
Клемансо, напротив, разводил аномаль-
ные глаза. (В душе он предпочитал
королевские лилии).

Древние египтяне отрицали су-
ществование луны. Но жизнь взяла
свое. Создавая «Лунный свет»,
Мопаассан яростно бичевал кле-
риков. Они злобно выли на лу-
ну, выпившись гнилыми зубами
в бахрому истории. Но к тому
времени рыбацкий сын Коперник
уже продолжил лунную дорожку.
То, что было далеким, стало
друг близким.

«Смотри, ракета!» — шепчет
аргентинский счетовод своей лю-
бимой. «Она летит к Луне», —
повторяют в один голос кондукто-
ра Занзибара, архитекторы Ог-
ненной Земли и невропатологи
Антарктики.

Когда Гоген писал мой порт-
рет, я думал о том, что Жюль
Верн был прав.

Я помню тихий ве-
чер в Вальпараисо. Лу-
на была затянута обла-
ками. «Это ненадолго», —
сказал мне Рамон
Родольфо Родригес,
портовый рабочий, отец
семерых детей. Он был
тоже прав...

Когда часы на пирамиде
Хеопса пробьют двенадцать,
мы вернемся на родную Зем-
лю.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

НЕВЕСТА НОЧИ

Невеста ночи, мы, как женихи,
Летим к тебе, неся свои стихи.
Того ты выпустишь в лунный свой
чертог,
Чей звонче стих и благородней слог.
Я жду суда, дыханье затаю...
Кто будет избран: Липкин или я?

Перевел с таджикского С. ЛИПКИН

Мargarita АЛИГЕР

НЕ ХОЧУ..

Мы живем у привычек в плену,
Всюду сыплем песок в гололедину.
Не хочу я лететь на Луну,
А хочу на Большую Медведицу.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

ЛИРИЧЕСКАЯ ЛУНИЧЕСКАЯ

Ясной ночью весенней на Луне
Мой товарищ задавал вопросы мне.
Он спросил меня: люблю его или нет?
Из скафандра я дала ему ответ:

— Посмотри, милый друг,
Как прекрасна Луна на закате!
Долматовские песни я слышу вокруг,
И любовь глубока, словно кратер...

Сталь ракеты серебрилась под Луной.
Мой товарищ до утра ходил со мной.
Наконец, решил скафандр он
снять,

Чтобы милую сподручнее обнять,
Но едва он коснулся
Протянутой ко мне сильную руку,
Как в космическом холоде

обледенел, —
Это всем ухажерам наука!

Расул ГАМЗАТОВ

САБЛЯ ОТЦА

Ни отец мой, ни дед мой, ни прадед
Не слагали стихов на Луне,
Потому, коль признаться по правде,
Начинать как-то боязно мне.

Я над первой строкою колдую,
Я для песни началу ишу
И отцовскую саблю кривую
Я о лунные камни точу.

Искры брызжут и тонут в тумане...
Не остыньте в полете своем,
Упадите в моем Дагестане
Ослепительным звездным дождем!

Степан ЩИПАЧЕВ

НЕБЕСНОЕ ТЕЛО

Я свой шлем положил на колени
И похотный раскрыл чемодан,
Там — лютневая ветка сирени,
Твой подарок — земной талисман.

По Луне я в раздумье блуждаю,
Про земное сужу бытие.
На Луне я с тоской вспоминаю
Про небесное тело твое.

Владимир СОЛОУХИН

ВСЕЛЕНСКИЕ ПРОСЕЛКИ

Я все приучен делать с толком,
И я на этот лунный ком
Шел на владимирским проселком,
Летел Вселенским большаком.

Здесь хорошо. Здесь интересно,
Хоть без травы тоскует изряд,
И скажем прямо, это место
Пока еще совсем не сад.

Безводные лунные озера,
В них не напьется даже мышь,
Но верю я, что скоро-скоро
Здесь заколется камыш.

Александр КАЗАНЦЕВ

ФОБОС, ДЕЙМОС И Я

Вездеход, пофыркивая, вышел сухим
из воды. Дальше пути не было. От вол-
нения у командора зачесался кончик
носа. Рефлекторно направившийся на
выручку носа указательный палец бес-
помощно ткнулся в лицевое стекло ска-
фандра и увял.

Вдруг вдалеке что-то зашевелилось.
Вакуле Миллиновичу сначала показало-
сь, что это клопы. Они дигались
неудачно угрожающей толпой
на пассажиров вездехода. Вакула Ми-
ллинович уже приготовился командо-
вать в шлемофон — «дезинсекция, к
бою!», как электронный робот послал
мощное предупреждение не торопиться
с выводами.

А вокруг цвели огромные хищные
соцветия и ярко светило какое-то еще
необузданное светило. Наскоро поста-
вив своих спутников в известность, что
тунгусский метеорит — это миф, а мар-
сианский корабль — реальность, Вакула
Миллинович остроумно покривил Гла-
вмаршстрой за несовершенство по-
строенных спутников — Фобоса и Дей-
моса, которые так и не решили жилищ-
ной проблемы на Марсе. В результате
этого, сказал командор, марсиане
опустели на Землю и зачали род че-
ловеческий.

Алеша Протодакинович, который за
свою недолгую жизнь на Земле основате-
льно привык считать себя потомком
обезьян, даже присапустил:
— А чем вы это докажете? — спро-
сил он хриплым голосом.

— Мое дело утверждать! А вы по-
пробуйте опровергнуть, — отчеканил
командор.

В это время робот беспомощно при-
пал к плечу командора и зарыдал на
всю планету. В его памяти были запи-
саны все реакции читателей на фанта-
стические романы.

— А зачем мы попали на Марс,
когда вся бригада ждет нас на Луне?
— Фантасты всегда должны быть
впереди, — ответил ему командор. В это
время что-то с гулом упало на планету.
Это был автор. Как выяснилось, он не-
ожиданно свалился на Марс с Луны.

Александр ПРОКОФЬЕВ

ОИ!

Ой, луня-луня-лунешеньки,
Я на лунной на ладошеньке.

Ой, луня-луня-лунешенька,
Ты играй, моя гармошенька.

Ой, Луна-луна-лунашечка,
Я хожу, пою, как патшечка.

Корней ЧУКОВСКИЙ

КОМАРИШКА

Грустно-грустно комаришке шалуну:
— Почему меня не взяли на Луну.

Утешает комаришку Анболит:
— Не печалься, — шалунушке
говорят. —

Поступило указание с Луны:
Должен сделать ты анализы слюны.

Михаил СВЕТЛОВ

Я КОСМИЧЕСКИ МОЛОД!

Нас до Луны размах науки поднял,
Но почему в космической дали
Я так хочу расцеловать сегодня
Встречающую мордочку Земли?

Арктические льды посеребрили
Ее когда-то черные виски,
Но все мы Землю в юности любили,
Курчавые мальчишки-соусники.

Так не скажешь же, милая планета,
С которой шел я сквозь огонь и дым.
Пускай сто лет несет меня ракета,
К тебе вернусь я прежним, —
молодым.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.

Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, В. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА,
В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам.
главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ,
В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Сергей СМЕРНОВ

ЛУННЫЕ БАСНИ

Чиж для своей жены с Луны
Привез в подарок валуны.

Гусь шел по Млечному пути,
Но молока не мог найти.

Ерш, где-то тлпнувши ерша,
Запел: «Венера хороша!»

Слоны не падают с Луны.

Евгений ЕВТУШЕНКО

ОБО МНЕ И О ЛУНЕ

Луна. Луна. У Луны. Луною.
Луна рифмуется со мною.
Луна сегодня так бедна,
безжизненна и холодна,
но кое-что вполне земное
бывало у меня с Луною.

Я прожил мало лет и зям,
а вот уже неотразим.
О, женщина! У ей в душе
Одно лишь слово: «Евтуше...»
Люблю на фоне мирозданья
результативные свиданья.
И как мне жалко тех людей,
Что не въздыхали обо мне.

Вот вам примерно круг идей
о космосе и о Луне.

Литературные пародии-лунограммы при-
няты и подготовлены к печати В. Вереща-
евым, Э. Иодковским, В. Островским, Э. Пе-
терским, Н. Разговорным и А. Райжес-
ским.